

ГРИГОРИЙ МАРК

translated by Kathy Young

Мой дряхлеющий город засыпало синей золою,
Это небо крошится на спины идущих с работы,
Камертоны решеток протяжно поют над землею,
И балтийская гниль набухает в груди, как мокрота.

Глубоко под асфальтом в сырых цилиндрических трубах,
Словно ампулы мертвого белого света, проворно
Пробегают вагоны, телами набитые туго,
И бесшумно во тьму исчезают пустые платформы.

Эскалаторы потную массу выносят наружу,
Ошалевшие в давке выходят на тусклую площадь,
Расползаются в улицы, лезут с терпеньем верблюжьим
Вверх по скользким ступеням, находят наощупь.

Открывают клеенкой обитые двери, зевая,
Опускаются грузно в колючие ребра диванов,
И остатки вчерашней еды торопливо глотая,
Застывают, уставившись в ящики с мутным экраном.

Blue ashes have fallen over my decrepit city.
It is bits of the sky scattering on the passerbys' backs.
Grills are wailing over the ground like tuning forks,
And Baltic dampness swells in the chest.

Deep under the pavement, in wet cylindric pipes,
Like ampules of dead white light, subway cars
Run by rapidly, stuffed full of bodies,
And empty platforms vanish into the dark.

Escalators bring the sweaty mass to the surface;
People, crazed by crowding, come out into the dim-lit square
Scatter into the streets, and climb with the patience of camel
Up slippery steps, groping for the apartment doors.

They open the oilcloth-covered doors, yawning,
Sinking heavily into their sofas' prickly ribs,
And, hastily swallowing yesterday's leftovers,
Freeze, staring into boxes with hazy screens.